

УДК 947 (470.6)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-91-96

ЯХУТЛЬ Юрий Асланбиевич

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических
связей, экономики и права, филиал в г. Краснодаре
г.Краснодар, Россия
a075ca@yandex.ru

Yuri A. YAKHUTL

Saint-Petersburg Institute of Foreign Economic Rela-
tions, Economics and Law
Krasnodar Branch
Krasnodar, Russia
a075ca@yandex.ru

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА:
ПРОТЕСТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ 20-х
ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ В КУБАНО-
ЧЕРНОМОРСКОЙ И АДЫГЕЙСКОЙ
(ЧЕРКЕССКОЙ) АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ**

**CONFRONTATION BETWEEN THE
AUTHORITIES AND SOCIETY: PROTESTS IN
THE EARLY 20-IES OF XX CENTURY IN THE
KUBAN-BLACK SEA AND ADYGEI
(CIRCASSIAN) AUTONOMOUS REGIONS**

В статье рассматривается протестное движение в Кубано-Черноморской и Адыгейской (Черкесской) автономной области на начальном этапе новой экономической политики (1921-1923гг.) как проявление несогласия населения региона внутренней политикой большевиков после окончания Гражданской войны. Российское крестьянство в извечной борьбе за свободу и право владеть землей всегда находилось в состоянии конфликта с властью вне зависимости от общественно-политического строя. Опыт свидетельствует о том, что переходные периоды в истории страны сопровождались активными социальными протестами, как в городе, так и в деревне.

Окончание Гражданской войны не означало завершения военного противостояния сторонников и противников советской власти. Успехи советской власти в экономической, социальной политике напрямую были связаны с результатами борьбы с «бело-зелеными» формированиями. Повстанческое движение на Кубани и Черноморье в начале 1920-х гг. стало продолжением Гражданской войны и было вызвано политикой советской власти в аграрном вопросе. Организованные вооруженные выступления казачества стали последствиями столкновения интересов различных социальных слоев общества и партийных разногласий между большевиками и эсерами, бывшими офицерами Белой армии и сторонниками «самостоятельности Кубани».

Ключевые слова: новая экономическая политика, казак, черкес, бунт, повстанческая армия, продовольственная политика, реформа, Кубано-Черноморская область, Адыгейская (Черкесская) автономная область, бело-зеленые формирования.

The article discusses the protest movement in the Kuban-black sea and Adygei (Circassian) Autonomous region at the initial stage of the new economic policy (1921-1923) as a manifestation of disagreement of the population of the region, the internal policy of the Bolsheviks after the Civil war. The Russian peasantry in the eternal struggle for freedom and the right to own land has always been in conflict with the government, regardless of the socio-political system. Experience suggests that transitional periods in the history of the country has been accompanied by significant social protests in the city and in the village.

The end of the Civil war did not mean the end of military confrontation between supporters and opponents of the Soviet regime. The successes of Soviet power in the economic, social policy was directly connected with the results of the fight against the "white-green" groups. The insurgency in the Kuban and black sea coast in the early 1920s was a continuation of the Civil war was caused by the policies of the Soviet government in the agrarian question. Organized armed uprisings of the Cossacks became a collision of interests of different social groups and partisan disagreements between the Bolsheviks and the social revolutionaries, former officers of the White army and supporters of "separatist Kuban".

Keywords: new economic policy, Kazak, Circassian, rebellion, rebel army, food policy, reform, Kuban-black sea oblast, and Adyghe (Cherkess) Autonomous oblast, green and white formation.

Проблемы взаимоотношения власти и социума всегда вызывали интерес, но их актуальность определялась именно в переломные моменты истории, период их острой конфронтации. Происходит это в ходе революционных событий или же проводимых непопулярных реформ. Определяющим во взаимоотношении власти и общества в начале 20-х годов XX столетия было понимание необходимости реформ, определение их приоритетов и движущих сил способных начать и закончить реформы. Именно в этот период намечается конфликт интересов, способствовавший обострению социального противостояния на почве политической неприязни. Таким образом, окончание Гражданской войны в России ознаменовалось организованным ростом противостояния власти и части крестьянского мира, недовольного экономической политикой большевиков.

Цель статьи – определить значение и роль повстанческого движения на региональном уровне как фактор противостояния власти и общества в начале 20-х годов XX столетия в Советской России.

Хлеборобы России в ходе Гражданской войны, став союзниками большевиков, обеспечили им приход к власти и возможность реализации своих идей. И после победы у большевиков появилась возможность отступить от решений VIII съезда РКП (б) по аграрному вопросу, что одновременно привело к усилению реквизиционной политики и спровоцировало рост повстанческого движения в селах и станицах России.

Приход большевиков в южные (казачьи) регионы России послужил катализатором роста антиправительственных настроений, и причины были схожими, но имелись различия, а именно

социальный состав населения, особый статус региона, автономность казачества, особенности менталитета черкесов. В течение 1920 г. настроение хлеборобов становилось все более антиправительственным, по мере того как определялось очевидное содержание продовольственной политики большевиков. Следует отметить, что противостояние власти и общества всегда прямо пропорционально степени обнищания населения, а в отношении хлебороба оно определяется уровнем и степенью роста обязательств (повинностей) перед государством. После установления Советской власти на Кубани в марте 1920 г. с апреля активизируются отряды бело-зеленых из числа дезертиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, местного населения и тех, кто не смог эвакуироваться из г. Новороссийска или укрылся на территории Грузии. Оставшиеся офицеры Белой армии предпринимали попытки по координации совместных действий против Советской власти. В июле 1920 г. в Майкопском отделе был сформирован так называемый Военный комитет народного освобождения Кубани, который поставил задачу формирования «Кубанской народной армии». Эти действия были пресечены сотрудниками ВЧК. Следующим шагом повстанческого движения на Кубани стало создание Комитета возрождения России и Армии освобождения России во главе с генералом М.А. Фостиковым. На Кубани и территории Адыгейской (Черкесской) автономной области действовали отряды под руководством С.Г. Улагая, так называемый «1-й Кубанский сводный корпус» полковника Крыжановского, «дикая дивизия» Султан-Гирея, состоявшая из казаков и черкесов. Отряды местной милиции и части особого назначения не могли оказать действенного сопротивления бело-зеленым отрядам, поэтому для их подавления использовали части 9-й Кубанской Красной армии. Общее руководство по подавлению казачьего бунта осуществляли уполномоченный ВЧК на Северном Кавказе К.И. Ландер и председатель Кубчерчека Д.П. Котляренко. Подразделения Красной армии перешли к активным действиям в августе 1920 г., в результате чего осенью «армия» генерала Фостикова и Улагая были ликвидированы.

Контрольные цифры продовольственной разверстки 1920–1921 гг. стали отправной точкой нового роста открытого противостояния крестьянства (казачества) и государства. Первые признаки ухудшения ситуации на Северном Кавказе были отмечены в октябре-ноябре 1920 г. Казачество Кубано-Черноморской области и население Адыгейской (Черкесской) автономной области в данной политической обстановке оказались в позиции, когда причины противостояния были обусловлены ростом повинностей и нарушением традиций, образа жизни местного населения. Россия осенью–зимой 1920–1921 гг. находилась на грани полномасштабной войны между государством и крестьянством. Осень 1920 г. ознаменовалась бурным ростом крестьянских волнений, переходивших в открытое боевое столкновение с частями Красной армии по всей стране, а в обиходе политических деятелей появляется новый термин – «политический бандитизм».

В Кубано-Черноморской области наиболее организованные и боеспособные формирования бело-зеленых были сосредоточены в Краснодарском и Майкопском отделах численностью 1 200–1 800 бойцов, которые вели активные боевые действия против милиции и органов Советской власти.

На экстренном совещании 5 февраля 1921 г. (г. Краснодар) с участием Председателя ВЦИК М.И. Калинина было отмечено, что особенности Кубани, ее географическое положение, социальный и национальный состав населения (черкесы) требуют напряжения сил и практических навыков [1, с. 6]. Совместные усилия партийных структур, подразделений ВЧК, частей Красной армии не привели к снижению противостояния в Кубано-Черноморской области и мест компактного проживания черкесов. Регион был активным участником белого движения, контрреволюционной деятельности и теперь, находясь под силовым воздействием, вынужденно поставляя продовольствие в центральные регионы страны, вновь становился центром деятельности антиправительственных сил. Объективная оценка политической ситуации свидетельствовала о том, что Юг России находился на грани развертывания второго этапа Гражданской войны.

Для большевиков мирное «завоевание» казачьих и горских территорий имело огромное значение для советского строительства. Первые вести о продналоге (решения X съезда РКП (б)) достигли станиц Северного Кавказа к концу марта 1921. Однако продналог казаки и черкесы одобряли гораздо сдержаннее, чем в Центральной России. Они восприняли это как очередную уловку большевиков. Таким образом, продналог стал промежуточным рубежом повстанческого движения.

Начальный этап нэпа выявил ряд серьезных экономических и социальных противоречий региона. В среде хлеборобов наметился резкий процесс социального расслоения с одновременным ростом экономической зависимости батраков от зажиточных казаков. В регионе нарас-

тал социальный протест, обусловленный кабальными соглашениями, заключенными между зажиточной частью казачества и бедняками в голодный период 1921 г. [2, с. 5].

В целях успешной борьбы с повстанческим движением Областное военное совещание приняло решение: брать в заложники мирных граждан из числа зажиточных казаков (кулаков), черкесов и контрреволюционных элементов. По области были определены 15 станиц, население которых попало под эти репрессии. Акции устрашения должны были быть действенными вплоть до расстрела заложников. Предлагалось объявить заложниками 10 тыс. офицеров (кубанцев), находившихся в это время в концентрационных лагерях. Эти меры носили вынужденный характер, так как являлись следствием непризнания казаками и черкесами Советской власти. Горское население, по собственному признанию, в неполной мере понимало содержание Советской власти, воспринимало ее не как народную, а как очередную смену власти с ревкомами, а в последующем – исполкомами [3].

Весной 1921 г. на территории области продолжали активно действовать до 200 бело-зеленых отрядов численностью 4 тыс. человек. В этот период бело-зеленые формирования создали подпольную организацию «Временное Кубанское повстанческое правительство» под руководством Пилюка и Савицкого. К середине июля лидеры бело-зеленых признали главенство Кубанской повстанческой армии, лозунги и планы которой разрабатывал бывший товарищ председателя краевой Рады полковник П.А. Савицкий. В июле прошел первый крупный сбор руководителей отрядов близ станицы Бакинской, а 23 августа съезд повстанцев близ станицы Гиагинской принял решение о захвате г. Краснодара. Лето 1921 г. ознаменовалось активными действиями по координации действий повстанческих отрядов, действовавших на территории Краснодарского и Майкопского отделов, которые пытались в станицах и аулах Кубани провести мобилизацию зажиточной части населения. Росту активности бело-зеленого движения способствовали демобилизованные из частей Красной армии, которые активно пополняли отряды повстанцев.

«Вторая Кубанская повстанческая армия» под командованием А.М. Пржевальского предприняла 18 сентября 1921 г. отчаянную попытку овладеть г. Краснодаром, но потерпела поражение. Очередная «организованная» военная кампания бело-зеленых закончилась провалом [4, с. 32-35]. В Закубанье к осени действовали 105 отрядов (2 400 штыков и 4 800 сабель при 111 пулеметах), в том числе отряд полковника Белова (более 1 000 чел.). Костяк «армии» составили 6 полков численностью 730 чел. под Горячим Ключом. Помощь им оказывали также отряды В. Рябоконя (300 чел.) и Е. Дубины (250 чел.) в Приазовье. Анализ политической обстановки свидетельствовал о нарастании противостояния власти и местного населения. Рост числа бело-зеленых формирований становился явным фактором в общем анализе политической обстановки в регионе. Одновременно они качественно улучшили свое военно-техническое состояние, изменили состав и тактику действий [5, с. 1]. Участники антиправительственных формирований в какой-то период прекратили грабежи и насилие в отношении населения. Эти изменения большевики считали тактическими действиями и результатом политических рекомендаций, получаемых руководителями бело-зеленых формирований от единого центра руководства.

Ужесточение продовольственной политики большевиков истощали сельское хозяйство Юга России, вызывая сплочение и сопротивление хлеборобов. Обострение социально-политической обстановки в регионе совпало с нарастанием продовольственного кризиса и переломом в аграрной политике большевиков в феврале, марте и сентябре 1921 г. Одновременно Советская власть объявила о начале действия второй амнистии в отношении участников и главарей бело-зеленых формирований в период с 1 августа по 1 сентября 1921 г. Амнистия для участников бело-зеленых формирований распространялась и на дезертиров из РККА и бежавших из лагерей. Несмотря на объявленную амнистию, повстанческое движение не ослабевало. Так, в станице Рязанской в ходе нападения на коммуну «Демьян Бедный» было убито 18 человек. В атаке приняли участие до 100 вооруженных повстанцев.

Советская власть не могла найти опору среди населения для реализации своей политики. Казаки и горцы по отношению к повстанческому движению были непоследовательны. Определяющим в вопросе поддержки или активного сопротивления бело-зеленому движению было социальное положение казаков и горцев Краснодарского отдела [6, с. 1]. Немногочисленный рабочий класс, испытывавший дефицит продовольственного снабжения, находился под влиянием меньшевистских лозунгов [7, с. 4]. Одновременно советские работники своими действиями провоцировали население на антисоветские выступления. Например, заведующий земельным отделом ст. Роговской Тимашевского отдела, член РКП (б), бывший красноармеец Денисенко до прибытия в станицу не имел и не владел каким-либо имуществом, а менее чем за год работы приобрел шесть лошадей, несколько быков, коров, а большевик Николаевский приобрел

рел пару лошадей, линейку за 2 млн руб. Незаконное обогащение большевиков в начале нэпа становилось проблемой и предметом разбирательств не только партийных контрольных комиссий [8, с. 7], но и объективным фактором в противостоянии власти и общества [9, с. 116].

Следует обратить внимание и на идейное содержание бунтарского движения в регионе, так как оно было неоднородно. Бело-зеленые формирования, во главе которых стояли бывшие офицеры Белой армии Васильев, Василенко, Жуков (народная армия), Зеленин, Зубкова, Лященко, Машко, Пржевальский, Салов, Устинов, Фостиков, представляли собой устойчивые военные формирования, проводившие акции устрашения. Но действовали и другие отряды во главе с казаками Грилко, Животовым, Сидельниковым, ориентировавшиеся на действия в пределах своих станиц [10, с. 2]. Вооруженные формирования под руководством бывших офицеров находились под влиянием идеологических установок самостийности Кубани и монархического движения. Казачье демократическое движение выступало с лозунгами автономии и независимости. Рост активности казачьих отрядов наблюдался в период обострения продовольственного кризиса и усиления репрессивных мер со стороны государства. На Черноморском побережье доминировали идеи крестьянской демократии под лозунгами «Советы без коммунистов». Вооруженная оппозиция в 1921–1924 гг. представляла собой пестрый спектр политических сил, конфликтующих между собой, но всех их объединяло одно – бунтарское отношение к новой власти.

Опорой большевиков в борьбе с повстанческим движением должны были стать органы ВЧК и милиции. Однако органы милиции в 1921–1922 гг. были малочисленны и не могли оказать действенное сопротивление вооруженным формированиям, к тому же они подверглись реорганизации и сокращению. Численный состав областной милиции за год сократился с 8 518 до 5 689 человек. Материально-техническое положение и боевая подготовка личного состава милиции не способствовали успешной борьбе с контрреволюционными силами и утверждение Я. Полуяна и А. Аболина о полном разгроме бело-зеленых формирований с помощью местной милиции не соответствовало действительности. По их мнению, на территории области действовали отряды бело-зеленых в количестве 110 тыс. сабель, а в 1922 г. их осталось не более 50 [11, с. 1]. На самом деле на Кубани и закубанских территориях действовало 95 отрядов общей численностью 5 500 человек. Весной 1922 г. бело-зеленые формирования активизировались в Майкопском, Армавирском и особенно Ейском отделах. По высказыванию партийного руководства области в Ейском отделе «пришлось пройти красным катком» [12, с. 1]. В летний период активность бело-зеленых отрядов сводилась к единичным актам. Активных участников данной тактика называли «ортодоксальными бандитами». Что касается горского населения, то оно должно было на практике почувствовать преимущества новой власти. Однако в противостоянии с бело-зелеными формированиями горское население заняло неопределенную позицию. Они открыто не поддерживали бело-зеленых, но и не оказывали содействия властям в борьбе с контрреволюцией. Отношения между бело-зелеными и горцами были противоречивы, но на начальном этапе их сплачивало общее непонимание идей Советской власти. Устойчивая вражда казаков с коренными крестьянами и горцами затихла перед лицом общей угрозы. Ненависть обратилась на коммунистов и переселенцев [13, с. 119–129].

Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 27 мая 1922 г. была образована Черкесская (Адыгейская) автономная область. Из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области была выделена территория в 2 609,673 кв. км, населенная черкесами (адыгами). В состав области вошло пять районов, объединявших 32 сельских совета и 250 населенных пунктов с населением 111 691 чел. [14, с. 5]. С момента образования автономии перед милицией области были поставлены следующие задачи: предотвращение дезертирства и любого проявления антисоветской деятельности среди населения. Приказом Кубано-Черноморского областного Военного совещания по борьбе с бандитизмом (4 июля 1922 г.) по Горской милиции были сформированы выездные военные совещания по борьбе с уголовным и политическим бандитизмом и учрежден уголовно-розыскной стол [15, с. 5]. Но деятельность местной милиции вызвала множество нареканий, в том числе связанных с нарушением советской законности и некомпетентностью личного состава [16, с. 58]. На должности в органы милиции принимались лица, получившие рекомендации от волостных исполкомов из числа национальных кадров [17, с. 69].

На уровне аулов создавались «тройки» по борьбе с бандитизмом. К преступлениям, содержащим элементы бандитизма, относились следующие общественно опасные деяния: вооруженный грабеж, конокрадство, поджог имущества, участие в незаконных вооруженных формированиях. В этих условиях бело-зеленые формирования продолжали получать поддержку со стороны горского населения. Отряды красноармейцев, преследовавшие бело-зеленых в ходе

военных операций, вынуждены были признать, что отсутствие поддержки местного населения и укрывательство с их стороны не позволяло эффективно бороться с антисоветскими элементами [18, с. 27]. Период 1921–1923 гг. в ААО характеризовался ростом бандитизма, как проявление «Деникщины» и уголовных преступлений. Пик уголовных преступлений в автономной области совпадал с прекращением осенних полевых работ.

Состав и рост преступлений, совершаемых на территории области, определялся уровнем экономического развития региона и ходом реформ в рамках нэпа. Следует отметить и то, что обычаи и традиции адыгов (черкесов) оказывали серьезное влияние на содержание и характер совершаемых преступлений и их раскрываемость [19, с. 7]. Вместе с тем следует отметить, что на территории ААО преступлений по ст. 57-73 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность) и ст. 75, 78, 82-84 (массовые беспорядки) зафиксировано не было. В апреле 1924 г. на территории Адыгейской автономной области была создана специальная комиссия по борьбе с бандитизмом во главе с Шахан-Гирей Хакурате (председатель Облисполкома). Комиссия вынуждена была признать как рост преступлений на территории компактного проживания русскоязычного населения, так и препятствование их раскрытию на территории компактного проживания адыгов [20, с. 31]. Общественно-политическая обстановка в области в начале 20-х годов была сложной, во многом находилась под влиянием проводимых реформ и характеризовалась наличием социального противостояния населения и власти. На территории Адыгейской (Черкесской) автономной области практически отсутствовали вооруженные антиправительственные формирования с политическими лозунгами. Социальный протест черкесов проявлялся в росте преступлений, связанных с конокрадством. Но это не означало, что на территории области не проводились карательные операции с участием частей Красной армии и расстрелом заложников.

Способы умиротворения региона оставались преимущественно силовыми. Центром региональной системы управления стали чрезвычайные «тройки» органов РКП(б), выездные сессии Революционного трибунала СКВО, политические «тройки» и полевые комендатуры. На местах предпочитали военные методы усмирения, не имея в арсенале экономических аргументов, которые могли быть наиболее эффективными в ходе проводимых реформ.

Зима 1921 г. стала переломным этапом в противостоянии власти и общества. Инициатива перешла к большевикам, РККА укрепились материально и людскими ресурсами и приобрела опыт борьбы с вооруженными формированиями, активно применявшими партизанские методы, а отряды бело-зеленых формирований стали дробиться и численно сокращаться. Местное население, уставшее от войны, перестало активно поддерживать повстанческие отряды. Немаловажное значение имели и законодательные инициативы большевиков, в том числе принятие Земельного кодекса РСФСР, подтверждавшего сложившийся порядок землепользования в южных регионах страны. Повстанческое движение казаков и черкесов было вызвано сложным комплексом причин, в том числе сословно-этническими и классовыми противоречиями, опытом Гражданской войны и усилением экономического давления на аграрное население страны. Политические лозунги, которые доминировали в Кубано-Черноморской области, были отголосками Гражданской войны, в отличие от повстанческого движения на территории ААО, не имевшего четких политических очертаний и идеологического содержания. Объединяло их бунтарское противостояние внутренней политике большевиков. Рост протестного выступления сельского населения Советской России способствовал началу новых экономических реформ, который стал очередным компромиссом между крестьянством и властью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1 Оп. 1. Д. 152 Л. 6 (ЦДНИКК).
2. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д.205 (а). Л. 5.
3. Работа среди горцев // Красное Знамя. – 1921. – 17 апреля.
4. Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани. Очерки, статьи и документальные повести / Управление ФСБ России по Краснодарскому краю / Книга третья. – Краснодар: Диапазон-В, 2008. – С. 32-35.
5. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д.111. (оц) Л.1.
6. ЦДНИКК Ф.1 Оп. 1. Д. 116. Л. 1.
7. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д.110. Л. 4.
8. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д.214. Л. 7.
9. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д.179. Л.116.
10. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д.115. Л. 2.
11. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д.205 (а) оц. Л. 31.
12. ЦДНИКК Ф.1. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.
13. Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924гг.) // Альманах «Белая гвардия». – № 8. Казачество России в Белом движении. – М.: Посев, 2005. – С. 119-129.
14. Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА «Нацархив»). Р-8. д. 86. оп.1. л. 17.

15. ГКУ РА «Нацархив» Р-5. Д. 1. Оп. 1. Л. 5.
16. ГКУ РА «Нацархив» Р-8. Д. 87. Оп.1. Л. 58.
17. ГКУ РА «Нацархив» Р-8. Д. 9. Оп.1. Л. 69.
18. ГКУ РА «Нацархив» Ф.1 Д. 110. Оп.1. Л. 27.
19. ГКУ РА «Нацархив» Р-8. Д. 8. Оп.1. Л. 65.
20. ГКУ РА «Нацархив» Р-8. Д. 144. Оп.1. Л. 232.

REFERENCES

1. State governmental institution of Krasnodar region "Center of documentation of the newest history of the Krasnodar region" F. 1 Op. 1. 6 152 D. L. (CDNI QC).
2. CDNI KK F. 1. Op. 1. D. 205 (a). L. 5.
3. The work among the mountaineers. Krasnoye Znamya. 1921. 17 APR
4. No «secret» from the history of security agencies in the Kuban. Essays, articles and a documentary story. A management of FSB of Russia on Krasnodar Krai. Book three. Range-In Krasnodar. 2008. Pp. 32-35.
5. CDNI KK F. 1. Op. 1. D. 111. (OTS) L. 1.
6. CDNI KK F. 1 Op. 1. D. 116. L. 1.
7. CDNI KK F. 1. Op. 1. D. 110. L. 4.
8. CDNI KK F. 1. Op. 1. D 214. L. 7.
9. CDNI KK F. 1. Op. 1. D. 179. L. 116.
10. CDNI KK F. 1. Op. 1. D. 115. L. 2.
11. CDNI KK F. 1. Op. 1. D 205 (a) OTS. L. 31.
12. CDNI KK F. 1. Op. 1. D. 204. L. 1.
13. A.V. Baranov insurgency «white-green» in the Cossack regions of Southern Russia (1920-1924 rr.), the Almanac «the White guard» No. 8. Russian Cossacks in the White movement. M., Sowing. 2005. Pp. 119-129.
14. State institution of the Republic of Adygea «national archive of the Republic of Adygea» R-8. D. 86. op.1. L. 17 (CCU RA «National archive»).
15. CCU RA «National archive» R-5. 1. Op. 1. L. 5.
16. CCU RA «National archive» R-8. D. 87. Op.1. L. 58.
17. CCU RA «National archive» R-8. D. 9. Op.1. L. 69.
18. CCU RA «National archive» F. 1 D. 110. Op.1. L. 27.
19. CCU RA «National archive» R-8. D. 8. Op.1. L. 65.
20. CCU RA «National archive» R-8. D. 144. Op.1. L. 232.

Информация об авторе

Яхутль Юрий Асланбиевич, кандидат исторических наук, «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» филиал в г. Краснодаре, г. Краснодаре, Россия
a075ca@yandex.ru

Получена: 16.10.2016

Для цитирования статьи: Яхутль Ю. А., Противостояние власти и общества: протестные выступления в начале 20-х годов XX столетия в Кубано-Черноморской и Адыгейской (Черкесской) автономной области Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 2. с. 91-96.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-91-96.

Information about the author

Yuri A. Yakhutl, Candidate of Historical Sciences, Saint-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, Krasnodar Branch, Krasnodar, Russia
a075ca@yandex.ru

Received: 16.10.2016

For article citation: Yakhutl Y.A., Protivostojanie vlasti i obshhestva: protestnye vystupleniya v nachale 20-h godov hh stoletija v Kubano-Chernomorskoj I Adygejskoj (Cherkesskoj) avtonomnoj oblasti. [Confrontation between the authorities and society: protests in the early 20-ies of xx century in the Kuban-Black sea and Adygei (Circassian) Autonomous regions] Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 5. Part. 2. Pp. 91-96.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-91-96. (in Russian)